

На правах рукописи

Санников Андрей Владимирович

**САМООЦЕНКА ЧЕЛОВЕКА
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

*Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук*

Москва 2006

Работа выполнена в Секторе теоретической семантики
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Научный руководитель: доктор филологических наук, академик РАН
Юрий Дереникович Апресян

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Алексей Дмитриевич Шмелёв (ИРЯ РАН),
кандидат филологических наук
Анна Владимировна Птенцова (МГУ)

Ведущая организация: Институт языкознания РАН

Защита диссертации состоится 18-го мая 2006 г., в четверг, в 14 часов
на заседании диссертационного совета Д 002.008.01
при Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН по адресу:
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Автореферат разослан 11-го апреля 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Б. Л. Иомдин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Самооценка человека – его взгляд на самого себя, свои возможности, качества и способности, сопоставление себя с другими людьми, адекватность или неадекватность этой оценки – является предметом рассмотрения целого ряда гуманитарных дисциплин: психологии, педагогики, социологии, философии, богословия, юриспруденции и др.

В данной работе предпринимается попытка взглянуть на сферу самооценки с другой стороны. **Цель** исследования состояла в проведении системного анализа самооценочной лексики современного русского языка. Принцип системности предполагает: (а) подробное лексикографическое портретирование ряда слов русского языка; (б) нахождение смыслов и смысловых оппозиций, носящих регулярный характер для рассматриваемой лексики; (в) попытку реконструировать соответствующий фрагмент русской языковой картины мира. При реконструкции указанного фрагмента мы ориентировались на работы Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Т. В. Булыгиной, А. Вежбицкой, Анны А. Зализняк, Л. Н. Иорданской, И. Б. Левонтиной, Т. М. Николаевой, Е. В. Рахилиной, С. М. Толстой, Е. В. Урысон, А. Д. Шмелёва, Е. С. Яковлевой и других. Системный подход к анализу самооценки с установкой на выявление её этноспецифичных черт, как это принято в современных исследованиях лексики, обуславливает **актуальность** данной диссертационной работы.

Пласт лексики, в котором отражен интересующий нас фрагмент языковой картины мира, составляют такие лексемы¹ как *достоинство, гордость, самолюбие, честь, самоуважение; тщеславие, честолюбие, амбиция, претензия; самомнение, самонадеянность, самоуверенность; эгоизм, себялюбие; унижать, оскорблять; издеваться, насмехаться, измываться, глумиться; превозноситься; пресмыкаться, лебезить, лакействовать; гордиться, кичиться; зазнаваться, задаваться, чваниться; бахвалиться, хвастаться, хвалиться; рисоваться, щеголять; смирение, скромность, кротость, самоуничижение и*

¹ Как известно, лексемой в Московской семантической школе называется слово, рассматриваемое в одном из своих значений. В тех случаях, когда это не мешает пониманию, наряду с термином *лексема* будет использоваться термин *слово*.

пр. Эта лексика, рассматриваемая с разной степенью подробности, является **объектом** исследования.

В процессе анализа «базовой» самооценочной лексики (ключевым понятием высокой самооценки признаётся достоинство, низкой – смирение) сама логика материала нередко диктовала необходимость рассмотрения других близких слов, хотя в их семантике смысл ‘самооценка’ отступает на периферию. Так, например, детальное описание слова *достоинство* и достаточно близкого к нему слова *честь* потребовало анализа глаголов *унижать* и *оскорблять*, а также глагола *издеваться* и его синонимов.

Описание самооценочной лексики строится на достаточно представительном **материале**: в работе использовались два основных ресурса – корпус текстов Сектора теоретической семантики ИРЯ РАН, содержащий около 35 млн. словоупотреблений, и Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>), общий объем которого превышает 85 млн. словоупотреблений. Кроме того, часть иллюстративного материала была почерпнута из словарей МАС, БАС, Большого толкового словаря², Словаря языка Пушкина³, Словаря языка Достоевского⁴, а также из Интернета.

Методической основой и теоретической базой настоящей работы являлась концепция Московской семантической школы, представленная, в первую очередь, в работах Ю. Д. Апресяна и его коллег. Описание лексики в настоящей работе строится на лексикографическом инструментарии Нового объяснительного словаря синонимов русского языка⁵.

Кроме того, при описании лексики широко использовались данные словарей, упомянутых выше.

В настоящей работе ставятся следующие конкретные **задачи**:

1) Детально описать лексику, составляющую ядро рассматриваемого лексико-семантического класса, – её семантические, синтаксические и прагматические свойства. При этом объектом описания являются не только отдельные лексемы, но и целые синонимические ряды.

2) Выработать аналитические словарные толкования описанных слов. В качестве метаязыка толкований используется принятый в НОСС сокращенный и

² С. А. Кузнецов, Большой толковый словарь русского языка. М., 2004. Далее – БТС.

³ Словарь языка Пушкина в четырех томах. М., 1956–1961. Далее – СПушк.

⁴ Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Выпуск первый. М., 2001. Далее – СДост.

⁵ Ю. Д. Апресян, В.Ю. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, Е.В. Урысон, Е. Э. Бабаева, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, А. В. Санников и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. Под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна. М., 2003. Второе издание: Тот же авторский коллектив. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е издание, исправленное и дополненное. Под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004. Далее – НОСС.

упрощенный подъязык русского языка.

3) Продемонстрировать – в виде готовых словарных статей – применимость полученных результатов в практической лексикографии.

Достоинству, смирению и другим центральным для сферы самооценки понятиям посвящена чрезвычайно обширная культурологическая, богословская, философская, психологическая и педагогическая литература. В то же время отражение самооценки в языке, насколько нам известно, не было предметом специального лингвистического исследования. Это обстоятельство определяет **научную новизну** настоящей работы.

Практическая значимость работы состоит в том, что её основные положения уже нашли применение в толковой лексикографии в виде словарных статей НОСС'а. Кроме того, достигнутые результаты могут оказаться полезными при преподавании теоретической лингвистики и современного русского языка.

Апробация. Значительная часть настоящей диссертационной работы будет опубликована в качестве части коллективной монографии «Языковая картина мира и системная лексикография»⁶. Эта часть (она называется «Понятия достоинства и смирения») детально обсуждалась на рабочих заседаниях Сектора теоретической семантики ИРЯ РАН. Три словарные статьи, составляющие приложение к реферируемой работе, опубликованы в НОСС'е и переизданы в его втором, исправленном и дополненном издании. Они также прошли подробное обсуждение на заседаниях Сектора.

Некоторые положения настоящей работы нашли отражение в докладах, прочитанных автором на международных конференциях «Диалог» и «Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы». Эти доклады легли в основу трех публикаций. Кроме того, опыт лексикографического описания русских самооценочных слов оказался полезным при работе над семантическим языком для разметки корпуса текстов (в рамках проекта «Национальный корпус русского языка»; грант РГНФ №05-04-04190а).

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и списка использованной литературы.

Глава 1 состоит из четырех основных разделов. Первый содержит краткий обзор исследований, посвященных самооценке человека. Во втором разделе в общих чертах сопоставляются самооценка в русской языковой картине мира и в «неязыковых» картинах мира. Третий раздел посвящен анализу наивно-языковых представлений о самооценке. В нем разбирается лексика, выражающая смыслы 'высокая самооценка' и 'низкая самооценка', и рассматриваются дополнительные семантические компоненты, регулярно сопровождающие эти смыслы. Обсуждается ряд системных различий между лексикой высокой и низ-

⁶ Апресян Ю. Д. и др. Русская языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006 (в печати).

кой самооценки. 1-ю главу завершает небольшой раздел, в котором вводится важное для лексики высокой самооценки понятие атрибута личности и рассматриваются отличия атрибутов от прототипических свойств.

Глава 2 посвящена лексике высокой самооценки и её ключевому понятию – *достоинству*. Главу открывает подробный анализ лексемы *достоинство* в сопоставлении с близкой лексемой *честь*. Затем исследуется лексика, описывающая нанесение ущерба достоинству и чести, а именно – глаголы *унижать*, *оскорблять* и *издеваться*, а также их дериваты и аналоги. Завершает главу описание синонимов *достоинства* – слов *гордость* и *самолюбие*.

Глава 3 посвящена лексике низкой самооценки и её ключевому понятию – *смирению*. Глава начинается с подробного сопоставления слов *смирение* и *кротость*. Затем анализируются прилагательное *смиранный*, наречие *смиренно* и – особенно детально – глагольная видовая пара *смиряться/смириться*. Отмечаются отличия этих дериватов от существительного *смирение*.

В заключении перечислены основные результаты работы. Приложение содержит три словарные статьи, опубликованные в НОСС'е. Работу завершает библиографический список, включающий около 80 наименований работ русских и зарубежных авторов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

ГЛАВА 1. САМООЦЕНКА В НАИВНОЙ ЭТИКЕ

1.1. Трактовка понятия самооценки в литературе

Соответствующий раздел исследования посвящен краткому анализу работ, посвященных понятию самооценки и других смежных понятий.

1.2. Самооценка в языковой картине мира и в неязыковых этических системах

Обыкновенно языковой картине мира – «наивному» мировосприятию, реконструируемому по данным языка, – противопоставляется научное мировосприятие. Наивной анатомии противопоставляется научная анатомия, языковым представлениям об устройстве мира – научная физика и астрономия и т. д. Иначе дело обстоит со сферой наивной этики. Действительно, говорить можно не о научной и не о философской этике как таковой, а об аристотелевой этике, кантовской этике, марксистской этике, этике христианства и т. д.

Рассматриваемые в данной работе понятия, представляя в языковой системе относительно компактную лексическую группу, соотносятся одновременно с несколькими «неязыковыми» картинами мира.

Наивно-этические представления о рассматриваемых понятиях и их философская, богословская и культурологическая трактовка, местами совпадая, во многом расходятся. Так, например, значительный контраст между языковой и

христианской этикой демонстрируют *гордость* и *самолюбие*. С точки зрения христианской этики гордость и самолюбие – это грехи, страсти. Ср. [*Злые ангелы*] *нарушили долг совершенного повиновения Богу и, таким образом, отпали от Него и впали в самолюбие, гордость и злобу* (Святитель Филарет (Дроздов), Православный катехизис). В языковой картине мира *гордость* и *самолюбие* предстают совершенно иначе: оба свойства могут оцениваться как отрицательно, так и положительно; ср. *непомерная <адская> гордость – здоровая <законная> гордость; большое <раздутое> самолюбие – здоровое самолюбие*.

1.3. Анализ наивно-этических представлений о самооценке человека

1.3.1. Высокая самооценка

С точки зрения русской наивной этики нормой признаётся достаточно высокая самооценка человека. На такую самооценку указывают слова и выражения *самоуважение, достоинство, честь, гордость, самолюбие, уверенность в себе, знать себе цену* и др.

Показательно, что последнее указывает именно на высокую самооценку. Ср. *Кандидаты знают себе цену и к предложению в \$5–7 тысяч относятся просто как к адекватному восприятию их на рынке труда* («Континент Сибирь», 2004.12.17). Контексты, в которых это выражение указывает не на высокую, а на низкую самооценку, воспринимаются как отклонения от нормы: ср. следующий, на наш взгляд, сомнительный пример: *Мне не надо особенную красавицу, знаю себе цену* («Рыбак Приморья», 2003.01.02).

Чрезмерно высокая самооценка осуждается русской наивной этикой. Этот смысл в той или иной степени входит в значение большой группы слов, ср. *гордыня, себялюбие, высокомерие, надменность; заносчивость, спесь, амбиция, гонор, чванство; самомнение, самонадеянность, самоуверенность, самодовольство, тщеславие, амбиции, претензия; гордец, честолюбец, хвастун, индюк, фифа, фря, вообразжала, зазнайка* и мн. др. Ср. также глаголы *кичиться; хвалиться, бахвалиться* и др. На этот же смысл могут указывать слова *гордость* и *самолюбие*.

Отрицательная оценка со стороны говорящего, входящая в семантику этих слов, определяет ряд их лингвистических особенностей. Так, некоторые из них входят в пары, члены которых различаются, в первую очередь, отрицательной/нейтральной оценкой. Таковы пары *гордыня – гордость, себялюбие – самолюбие, самоуверенность – уверенность в себе*. Кроме того, отрицательная оценка в семантике рассматриваемых слов затрудняет их употребление в контекстах, где говорящий и субъект совпадают. Странно было бы без иронии говорить *Что-то меня гордыня обуяла; Я очень заносчивый* или *Я кичусь своим блестящим воспитанием*.

В семантике лексем этой группы указание на чрезмерно высокую самооценку регулярно сочетается с указанием на (а) сознание собственного превос-

ходства над другими людьми (этот смысл, в частности, выражают слова *высокомерие, гордыня, надменность, чванство* и мн. др.) и (б) внешние проявления чувства превосходства (этот смысл, в частности, входит в семантику слов *заносчивость, спесь, амбиция, гонор, чванство, кичливость; надутый, напыщенный* и др.). Указание на внешние проявления высокой самооценки также весьма типично для слов, описывающих носителя свойства. Таковы стилистически окрашенные лексемы *индюк, фифа, фря, вообразала, зазнайка* и др.

Наивно-языковые представления констатируют близость адекватно-высокой и завышенной самооценок. Так, даже *достоинство* – важнейшая принадлежность человека как личности – может быть чрезмерным (ср. с *преувеличенным достоинством, гипертрофированное достоинство*). Согласно наивной этике, адекватная самооценка может сама собой превращаться в завышенную, но не наоборот. Ср. *его здоровая гордость постепенно переросла в дьявольскую гордыню; Смотри, как бы такая уверенность в себе не обратилась в слепую самоуверенность; Важно не перепутать, не перейти грань, не соскользнуть с почтительности на подобострастие, со смелости на нахальство, с уверенности на самоуверенность* (В. Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике) при нетипичности *Его гордыня постепенно превратилась в здоровую гордость; Будем надеяться, что его слепая самоуверенность со временем обратится в здоровую уверенность в себе*.

Семантика *достоинства* и многих других слов высокой самооценки включает представление о положении человека на вертикальной шкале ценности. Некоторые действия как самого обладателя достоинства, так и других людей могут влиять на это положение на шкале: прежде всего, делать его ниже. Такое понижение самооценки всегда осуждается наивной этикой.

Лексику высокой самооценки (в частности, утраты такой самооценки) понижывает метафора верха и низа: ср. внутреннюю форму *надменности, высокомерия* и сочетаний *унижать (достоинство), унижаться до чего-л. или перед кем-л., ронять достоинство, считать что-л. ниже своего достоинства*. Эта же метафора лежит в основе внутренней формы сленгового глагола *опускать*, синонимичного *унижать* (ср. – *А ты не разбираешься, так и сиди. – Хорош уже меня опускать!*), а также сленгового глагола *надстраиваться*, указывающего на самоутверждение за счет унижения другого (ср. *С ним невозможно разговаривать: он вечно пытается над тобой надстроиться*).

1.3.2. Низкая самооценка

Этот смысл в той или иной степени способны выражать слова *смирение, кротость, самоуничижение, скромность, смиренномудрие, стыд, раскаяние, прибедняться* (а также их дериваты) и некоторые другие.

Отличия лексики низкой самооценки от лексики высокой самооценки заключаются не только в том, что это – два противоположных полюса. Перечис-

лим ряд системных различий.

1. Как видно из приведенного списка слов, смысл 'низкая самооценка' представлен в лексико-семантической системе русского языка намного беднее, чем смысл 'высокая самооценка'.

2. Основу семантики *смирения* и других вышеназванных слов составляет не только и даже не столько низкая самооценка, сколько несовершенство тех или иных действий или отказ от демонстрации собственной значимости. Ср. *Сдать блестяще экзамены, а потом смиренно говорить: да нет, Господь помог, – это слишком легко* (Митрополит Антоний (Блум), Без записок).

По этой причине лексика низкой самооценки сближается с такими словами, как *покорность, безответность; незлобивость, тихость; робость, малодушие, застенчивость; подобострастие* и др.

3. Поскольку нормой в наивной этике признается достаточно высокая самооценка, для слов низкой самооценки характерна отрицательная семантика: многие из них содержат в своем значении компонент 'такой, который не...' или 'вместо того, чтобы...'. Для лексики высокой самооценки такая семантика нетипична⁷.

4. Для лексики низкой самооценки, так же, как и для лексики высокой самооценки, возможна отрицательная оценка со стороны говорящего. Однако если в области высокой самооценки наивная этика осуждает, прежде всего, её завышенность, то в случае низкой самооценки осуждение вызывает не её заниженность, а неискренность, притворство субъекта.

Указание на притворство субъекта имеет системный характер для рассматриваемой лексики: отсутствие ожидаемой демонстрации высокой самооценки или, тем более, демонстрация низкой могут дать повод, с точки зрения наивной этики, подозревать субъекта в неискренности. В наибольшей степени этот смысл характерен для *смирения, скромности* и *самоуничижения*. С одной стороны, можно говорить о *ложном* <показном, напускном, деланном> *смирении* <самоуничижении> и о *притворной* <наигранной, фальшивой> *скромности* и, с другой, о *подлинном* <истинном> *смирении* и *неподдельной* <искренней> *скромности*. Описание притворного поведения также типично для дериватов *смиреничить, скромничать, смиренник, скромник, смиренница* и *скромница*. Указание на притворство со стороны субъекта составляет основу семантики глагола *прибедняться* и фразем *петь Лазаря* и *казанская сирота*.

Для лексики высокой самооценки указание на притворство практически невозможно; ср. неправомерность **показное чувство собственного достоинства*;

⁷ Ср. следующую характерную цитату, где *смирение* характеризуется как «отрицательная добродетель» и в этом отношении противопоставляется, в частности, *чести*: *В святоотеческом, традиционном христианском сознании добродетели отрицательные – смирение, отречение, воздержание – затмили добродетели положительные – мужество, благородство, честь* (Н. Бердяев, Смысл творчества).

?? *наигранное самолюбие; *ложное высокомерие; *притворная самонадеянность <самоуверенность>. Любопытно, что *гордость* может быть неподдельной, но не может быть поддельной <притворной, деланной>.*

Способность лексики низкой самооценки описывать притворное поведение определяет существование контекстов, в которых она сближается со словами высокой самооценки: ср. *смирение паче гордости, уничижение паче гордости*. Ср. также *Обуянный гордыней смирения, он удалился в лесную землянку и стал жить в дубовом гробу* (И. Ильф и Е. Петров, Двенадцать стульев); *Вы можете перестать писать будто бы ради смирения, и быть так исполнены гордости о своем смирении, что лучше бы вы писали статьи* (Митрополит Антоний (Сурожский), Что такое духовная жизнь).

Противоположное приближение слов высокой самооценки к *смирению, самоуничижению* и др. словам этого ряда невозможно: ср. абсурдное **Обуянный смирением гордыни; *За этой гордыней скрывается смирение; *гордость паче уничижения*.

5. Для *смирения* и других слов из этой группы не характерна связь с представлением о шкале ценности и, соответственно, с метафорой верха и низа. Заметим, что *смирение* этимологически связано с метафорой *меры*: как известно, связь *смирения* с корнем *мир* – результат «народной этимологии».

6. Указание на низкую самооценку часто сочетается с указанием на сопоставление субъектом собственной малой значимости или собственных сил с чем-то внешним: высшей силой или чем-то подобным (судьбой, природой) или с другим человеком. Так, для слов *смирение, смириться* и некоторых других характерно управление предложной группой *перед кем-чем-л.*; ср. *смириться перед судьбой; смирение перед Богом <Божьим Промыслом>*. Для лексики высокой самооценки соответствующее противопоставление собственной высокой ценности чему-то внешнему гораздо менее типично.

1.4. Атрибуты личности

Рассматривая слова *достоинство, честь, гордость, самолюбие* и некоторые другие сталкиваешься с тем, что ряд семантических, синтаксических и сочетаемостных особенностей объединяет эти слова между собой и отделяет их от таких названий обычных свойств, как *доброта, красота, благородство, честность, кротость*.

Для описания *достоинства* и других подобных слов было предложено выделить отдельный класс невидимых сущностей – атрибуты личности. При этом прототипами таких атрибутов являются имя, фамилия, звание, степень, титул, чин и др. – определенные параметрические сущности, официально данные человеку с рождения или присвоенные ему позже. Перейдем к описанию выделенного лексико-семантического класса.

1. Прототипические свойства одноактантны, в то время как атрибуты двух-

актантны: наряду с валентностью обладателя (ср. *его достоинство; моя честь*) они имеют валентность социальной роли; ср. *человеческое <национальное, писательское> достоинство, мужская гордость, достоинство <самолюбие> артиста; офицерская честь, честь учёного*; ср. также одновременную реализацию обеих валентностей: *мое национальное достоинство; его офицерская честь*. Двухактантность атрибутов связана с тем, что они присущи человеку не в качестве его индивидуальной особенности, а постольку, поскольку их обладатель является личностью или обладателем той или иной роли в обществе.

2. В отличие от названий свойств, прототипической частеречной формой атрибутов являются не прилагательные, а существительные, причем слова *достоинство* и *честь* вообще не имеют прямо соотносящихся с ними по семантике прилагательных: дериваты *достойный* и *честный* обладают значительной смысловой спецификой.

3. Сочетаемость атрибутов значительно богаче сочетаемости прототипических свойств. Для атрибутов особенно характерны две группы сочетаний: (а) сочетания, указывающие на то, что обладатель атрибута тем или иным образом соотносит с ним свои поступки (ср. *считать что-л. ниже своего достоинства; вести себя с достоинством; достоинство не позволяет <заставляет> делать что-л.; считать что-л. делом чести; законы чести требуют сделать что-л.; с честью выйти из какой-л. ситуации; гордость не позволяет делать что-л.; самолюбие толкнуло на что-л.*); (б) сочетания, описывающие воздействие на атрибут со стороны обладателя или со стороны других людей. Ср. *унижать <ронять, терять> достоинство; задевать <оскорблять, втоптывать в грязь> честь; спасать <восстанавливать> честь, заступаться за чью-л. честь, задевать честь <самолюбие>, щадить самолюбие <гордость>; Береги честь смолоду* и др. Как видно, особенно хорошо разработана лексика травмирования этих атрибутов.

Для названий свойств вся эта сочетаемость нехарактерна: нельзя **считать что-л. ниже своей доброты <честности>*, **унижать <ронять, спасать, беречь> доброту <честность>* или **заступаться за чью-л. доброту <честность>*.

ГЛАВА 2. ПОНЯТИЕ ДОСТОИНСТВА И СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ

В данной главе содержится подробное лексикографическое описание лексики высокой самооценки. Анализируются семантические, прагматические, синтаксические, сочетаемостные и другие существенные свойства следующих слов: *достоинство, честь; унижать, унижаться, оскорблять; издеваться, измываться, глумиться; гордость, самолюбие*.

2.1. Достоинство и честь

Достоинство и *честь* входят в число сущностей, относящихся ко внутреннему миру человека и способных определять его поведение. Как было сказано

выше, они предстают в языке как атрибуты личности. Основные различия между ними состоят в следующем.

И *достоинство*, и *честь* обязывают человека вести себя определённым образом. Однако характер этих требований различен. *Достоинство* – это, скорее, внутренний принцип, тогда как *честь* связана с внешними по отношению к человеку предписаниями. *Честь* предполагает существование кодекса, совокупности правил и связана с ритуалом. Поэтому можно говорить об *обязанностях* <предписаниях, правилах> *чести* и *суде чести*, но не об **обязанностях* <предписаниях, правилах> *достоинства* и не о **суде достоинства*.

Достоинство предполагает, что субъект чувствует собственную ценность, в то время как следование правилам *чести* носит более рассудочный характер. Можно быть *знатоком в вопросах чести*, но не **знатоком в вопросах достоинства*. По этой же причине можно быть *исполненным* <преисполненным, полным> *достоинства*, но не **исполненным* <преисполненным, полным> *чести*. Сознание собственной ценности, на которое указывает *достоинство*, может быть *преувеличенным* <чрезмерным, гипертрофированным>. Говорить о *преувеличенной, гипертрофированной* или *чрезмерной чести* было бы странно.

Сознание своей ценности, описываемое словом *достоинство*, проявляется в манере поведения. В особенности эта семантика характерна для сочетания с *достоинством*. Ср. *Дунчиль спокойно и с достоинством повернулся и пошел к кулисе* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). По аналогии с человеком можно говорить о достоинстве даже по отношению к животным. Ср. *Ротвейлер не элегантен, но от его силы веет чувством собственного достоинства*. Семантика *чести* не содержит указания на манеру поведения.

Понятия о достоинстве скорее универсальны, тогда как *честь* в большей степени условна. Практически у любой корпорации может существовать свой кодекс чести. Так, можно говорить о *кодексе чести судьи Российской Федерации, кодексе чести рядового начальствующего состава внутренних органов, кодексе чести таможенника* и даже *кодексе чести участника Ассоциации рыбопромышленников Сахалина* (примеры из Интернета). Понятия о *чести* могут различаться не только у разных групп: каждый человек может по-своему трактовать *честь*. Ср. *У меня свой кодекс чести, у тебя – свой; Из боя он должен был выйти последним – так он понимал свою командирскую честь* (Симонов, МАС). К требованиям чести можно относиться по-разному, поэтому можно быть *щепетильным в вопросах чести*, но не **щепетильным в вопросах достоинства*. Понятия о *чести*, кроме того, весьма изменчивы во времени, в то время как понятия о *достоинстве* значительно более стабильны. Можно говорить о *старомодных* и даже об *устаревших понятиях о чести*, но вряд ли о *?старомодных* <??устаревших> *понятиях о достоинстве*.

В современном языке отражено представление о достоинстве как о важнейшей человеческой ценности, основе человеческой личности. Ср. *Любая тема*

[для Честертон] – предлог, чтобы еще, и еще, и еще раз поговорить о самом главном: о том, ради чего люди живут и остаются людьми, в чем основа, неотчуждаемое ядро человеческого достоинства (С. Аверинцев. Г. К. Честертон, или Неожиданность здравомыслия).

Честь, в отличие от достоинства, связана с мнением о человеке других людей, в то время как достоинство совершенно независимо от такого мнения. Потеря чести связана с позором для человека, утрата достоинства – с ущербом для самой его личности. Сохранить достоинство можно и на необитаемом острове, тогда как понятие чести связано с социумом..

Фразема чувство собственного достоинства

Самая очевидная особенность фраземы, отличающая её от слова *достоинство*, – это то, что ей в меньшей степени присущи особенности атрибута и она сдвигается в сторону прототипического свойства. Эта фразема одноактантна и всегда указывает на достоинство личности. Ср. сомнительность ?? *мужское чувство собственного достоинства* и невозможность трактовки в родовом статусе сочетаний типа *чувство собственного достоинства писателя <офицера>*.

Другая особенность фраземы состоит в том, что в её семантике на первом плане всегда находится сознание субъектом собственной ценности, в то время как в семантике *достоинства* самооценочный компонент может отступать на второй план, уступая место указанию на ценность обладателя саму по себе. Поэтому в одних контекстах использование фраземы предпочтительно (ср. *гипертрофированное чувство собственного достоинства*), а в других, напротив, затруднено (ср. **ронять чувство собственного достоинства, *считать что-л. ниже своего чувства собственного достоинства; *Пойми, ты унижаешь своё чувство собственного достоинства*).

Наконец, *достоинство* не может быть заменено на *чувство собственного достоинства* в сочетаниях с определением, характеризующим манеру поведения. Ср. отсутствие взаимозаменяемости: *Я взяла свою папку и с неторопливым достоинством покинула её кабинет* (О. Николаева, Всякое дыхание...).

Толкования

X-овое достоинство Y-а = ‘нематериальный атрибут человека Y – присущее человеку сознание собственной высокой ценности как личности или как члена социальной группы X и такое поведение, чтобы эта самооценка не стала ниже’.

X-овая честь Y-а = ‘нематериальный атрибут человека Y – сознание себя членом социальной группы X и такое соблюдение морально-этических правил, принятых для этой социальной группы, чтобы самооценка Y-а или его оценка со стороны других X-ов не стала ниже’.

Нанесение ущерба достоинству и чести

В русском языке особенно богато развита лексика, описывающая «травматическое» воздействие на *достоинство* и *честь*.

Ущерб *достоинству* наносит то, что не согласуется с полноценностью человека как личности или как члена данной социальной группы. На этот смысл, в первую очередь, указывает глагол *унижать*, его дериваты, а также сочетания *задевать* <*ранить*> *достоинство*, *терять* <*ронять*> *достоинство* и некоторые другие. Этот смысл также входит в понятие издевательства, представленного глаголами *издеваться*, *измываться* и *глумиться*, а также, в меньшей степени, в семантику таких глаголов, как *высмеивать*, *осмеивать* и др. Эта «смеховая» лексика подробно описывается ниже, в п. 2.4.

Ущерб *чести* наносит то, что вступает в противоречие с правилами, существующими для обладателей данной социальной роли. Этот смысл, в первую очередь, выражает глагол *оскорблять* и его дериваты, а также такие сочетания как *ронять* <*терять*, *порочить*, *пачкать*> *честь*.

2.2. Понятие унижения

У глагола *унижать* выделяются два значения. Первое представлено в примерах типа *Даже при гостях она его всячески унижает*, второе – в примерах типа *Больше всего меня унижало ощущение полной беспомощности*. Основные различия между этими двумя значениями сводятся к тому, что они принадлежат к двум разным классам предикатов: *унижать 1* относится к классу действий, *унижать 2* – к классу воздействий⁸.

Кроме того, между *унижать 1* и *унижать 2* можно выделить еще два различия.

1. Для *унижать 1* характерно введение в ситуацию указания на аудиторию, перед которой происходит унижение (с помощью предложной группы *перед кем-л.* или *при ком-л.*). Ср. *Начальник не стеснялся при посторонних унижать тех, кто ему не угодил; Он унизил меня перед моей семьей*. Для *унижать 2* подобные конструкции невозможны: ср. неправомерность **Его покровительственный тон унижал меня при посторонних*.

2. Два разных значения глагола *унижать* имеют разный набор дериватов. Дериват *унижение* обычно соотносится с глаголом *унижать* в первом значении. Ср. *В этом слогане действительно можно было усмотреть унижение национального достоинства белорусов* [*≈слоган унижает национальное достоинство*]. Напротив, дериват *унизительный* семантически произведен от *унижать 2*. Ср. *Попавшие в изолятор первым делом подвергаются крайне унижительным санитарным процедурам* [*≈санитарные процедуры унижают достоинство попавших в*

⁸ Описание системных различий между этими классами см. в разделе Ю. Д. Апресяна «Фундаментальная классификация предикатов» в монографии *Апресян Ю. Д. и др. Русская языковая картина мира и системная лексикография*. М., 2006 (в печати).

изолятор].

Толкования

Унижать 1

X унижает 1 (достоинство) Y-а = 'X совершает по отношению к человеку Y действие P; говорящий или Y считает, что P наносит ущерб достоинству Y-а, и оценивает поведение X-а отрицательно'.

Унижать 2

P унижает 2 (достоинство) Y-а = 'ситуация P является причиной того, что говорящий или Y считает, что кто-то нанес ущерб достоинству Y-а; говорящий оценивает P отрицательно'.

Между двумя значениями глагола *унижать* существует большое количество промежуточных употреблений. Как известно, они особенно характерны для контекстов, где в роли первого актанта выступает человек, действующий непреднамеренно, не желая нанести моральный ущерб. Ср. *Ты унижаешь меня своим состраданием; Как ты не понимаешь, что унижаешь себя <унижаешь своё достоинство> тем, что после каждой ссоры первый бежишь мириться?*

Глагол унижаться

Этот глагол, сближаясь с сочетаниями *унижать себя* и *унижать своё достоинство*, в то же время обнаруживает существенную специфику. Вкратце рассмотрим его основные особенности.

У глагола *унижаться* выделяются два круга употреблений. Один может быть проиллюстрирован фразой *Приходится унижаться перед чиновниками*, второй – фразой *Она никогда не унижалась до примитивного подхалимажа*.

Первый круг употреблений характеризуется следующими особенностями, отличающими его от глагола *унижать*.

1. *Унижаться* в этом круге употреблений предполагает двух обязательных участников ситуации – агенса и бенефицианта/аудиторию, во взаимодействии с которым первый демонстрирует свою малую ценность. Ср. *Столько девчонок вокруг, а я унижался перед какой-то дурочкой* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора).

2. Глагол *унижаться* содержит в своей семантике указание на цель, которую агенс преследует, желая добиться чего-л. для себя или для кого-л. из своей личной сферы; ср. характерность сочетаний *унижаться ради заработка <ради будущего детей>*; *унижаться из-за денег*.

3. По этой причине глагол *унижаться* передает менее отрицательную оценку со стороны говорящего, чем *унижать*. Так, можно сказать *Что поделаешь, чтобы чего-нибудь добиться, приходится унижаться*, но вряд ли *??Что поделаешь, чтобы чего-нибудь добиться, приходится унижать себя <*унижать свое достоинство>*.

Рассмотренные семантические и синтаксические особенности сближают

первый круг употреблений *унижаться* с такими глаголами поведения, как *пресмыкаться, лебезить, заискивать, холопствовать, лакействовать (лакейничать), подхалимничать, низкопоклонничать, раболепствовать* и др.

Второй круг употреблений глагола *унижаться* гораздо ближе к *унижать себя* и *унижать своё достоинство*, чем первый; ср. *унизиться до попрошайничества* \approx *унизить себя попрошайничеством*.

Особенности этого круга, определяющие его отличия от *унижать*, сводятся к следующему.

1. Для *унижаться* в этом круге употреблений характерно включение в ситуацию указания на то, что интерпретируется как не соответствующее достоинству агенса. Эта валентность реализуется с помощью предложно-именной группы *до чего-л.*; ср. *Он не унижался до примитивной зависти*.

2. *Унижаться*, в отличие от *унижать*, может сочетаться не только с названиями действий, но и некоторых чувств. Ср. *Она никогда не унижалась до жалости <ненависти>*.

3. Для *унижаться* весьма характерны отрицательные, вопросительные и другие «нереальные» контексты. Ср. *Она не унижается до объяснения в любви* (В. Смехов, Театр моей памяти).

Значительность и семантических, и синтаксических различий между двумя кругами употреблений *унижаться* может привести на мысль о том, что мы имеем дело с разными лексемами. Основным контраргументом, на наш взгляд, является возможность совмещения этих двух моделей управления; ср. следующий приемлемый пример: *Я никогда не унижался перед начальством до просьб о прибавке жалованья*.

Толкование

Х унизился перед Y-ом до P = ‘человек X совершил действие P в присутствии Y-а или по отношению к Y-у; говорящий или X оценивает действие P отрицательно, поскольку считает, что оно наносит ущерб достоинству X-а’.

2.3. Понятие оскорбления

Структура полисемии глагола *оскорблять* во многом симметрична рассмотренной выше структуре полисемии *унижать*. У *оскорблять* также выделяются два значения, ср. *Нахал оскорбил его, он ответил пощечиной* vs. *Меня оскорбляет твоё отношение ко мне*.

Основные различия между двумя значениями также во многом определяются тем, что лексема *оскорблять 1* относится к классу действий, а *оскорблять 2* – к классу воздействий.

1. *Оскорблять 1* указывает на намеренное речевое или неречевое действие одного человека по отношению к другому – пациенсу. Это действие наносит ущерб чести пациенса; ср. *Этот человек оскорбил меня: он назвал меня подонком*. В случае речевого акта оскорбление скорее предполагает обвинение в не-

соответствии моральным нормам, часто с использованием бранных слов (*мерзавец, трус, лжец, вор*).

Оскорблять 2 указывает на ситуацию, в которой грубо нарушаются правила уважительности и деликатности по отношению к пациенту или в которой в присутствии пациента происходит что-то неприличное. При этом оскорбленный испытывает крайне интенсивную отрицательную эмоцию, ощущение, что ему нанесен моральный ущерб. *Меня оскорбляет, что вы позволяете себе называть меня «бабусей»; В исступление окончательное привела меня запись в его режиссерской книге: «Здесь будет дуэль». --- Я чувствовал себя оскорбленным. – Небось у Островского не вписывал бы дуэлей, – ворчал я* (М. Булгаков, Театральный роман).

2. Два значения глагола *оскорблять*, так же как и два значения *унижать*, различаются тем, что первое предполагает определенную цель, в то время как второе может включать указание только на причину воздействия. Ср. *Зачем ты его оскорбил?* [*оскорблять 1*] vs. *Почему тебя это оскорбляет?* [*оскорблять 2*].

3. Важная особенность семантики *оскорблять 1* состоит в том, что оскорбление в прототипическом случае требует выхода наружу в виде ответных действий, мести оскорбителю (ср. *отомстить за оскорбление* <*смыть оскорбление*>). Ср. также *Последнего оскорбления он не стерпел и ответил ударом в челюсть. Завязалась драка. Ответные действия в случае оскорбления оцениваются с позиций наивной этики как норма, их отсутствие получает отрицательную оценку: ср. проглотить* <*снести, стерпеть, проигнорировать*> *оскорбление*.

Именно указание на предполагаемую ответную реакцию определяет одну интересную словообразовательную особенность глагола *оскорблять*. От этого глагола образуется дериват *оскорбитель* со значением субъекта действия. В этом отношении *оскорбление* сближается с *обидой* (ср. *покинуться с обидчиком, отомстить оскорбителю*) и противопоставляется большинству других слов, указывающих на нанесение морального ущерба (*унижать, издеваться, раздражать, возмущать, сердить* и др.).

4. *Оскорблять 1* может указывать на оскорбление как на вещь объективную. Так, некоторые высказывания (*Трус! Негодяй!*) и действия (например, пощечина; см. описание этого слова в соответствующей словарной статье И. Б. Левонтиной в НОСС'е) считаются в данном обществе оскорблением. Особенно характерен такой режим употреблений для существительного *оскорбление*, в частности, в составе сочетания *наносить оскорбление* – фразеологического синонима глагола *оскорблять*. Напротив, *оскорбить 2* скорее указывает на оскорбление как на вещь субъективную: слова *оскорблять* и *оскорбление* могут использоваться для интерпретации каких-то действий как намеренно направленных на то, чтобы задеть честь человека.

5. У лексемы *оскорблять* 2 выделяется особое употребление, в котором она указывает на то, что нечто резко противоречит эстетическим вкусам человека. Ср. *В этой квартире всё её раздражало. Оскорбляли даже «пошлые фикусы» и «мещанский пуфик»; Всякий сколько-нибудь неприятный запах уже оскорблял его* (Н. В. Гоголь, Мертвые души).

Толкования

Х оскорбляет 1 Y-a = 'X совершает по отношению к человеку Y действие P, цель которого – нанести ущерб чести Y-a; говорящий оценивает действие P отрицательно'.

P оскорбляет 2 Y-a = 'ситуация P является причиной того, что Y испытывает очень неприятное чувство, какое бывает, когда что-то противоречит представлениям человека о приличиях или общепринятым правилам приличий и свидетельствует о том, что к человеку относятся плохо'.

Между двумя значениями *оскорблять* также существуют промежуточные употребления.

2.4. Унижение и смех

Ущерб достоинству наносят, в частности, ситуации, когда человек оказывается в смешном положении. Этот смысл разработан в лексико-семантической системе русского языка весьма подробно. На него, в первую очередь, указывают два ряда синонимов – ряд *издеваться, измываться, глумиться* и ряд *высмеивать, осмеивать, вышучивать, засмеять*. Эти ряды подробнее рассматриваются ниже.

Кроме того, на нанесение морального ущерба в той или иной степени указывают и другие слова, семантика которых связана со смехом. Прежде всего, это следующие три ряда синонимов: (а) *смеяться 2 (над кем-чем-л.), насмехаться, потешаться, шутить 2 (над кем-чем-л.), насмешничать*; (б) *подшучивать, подтрунивать*; (в) *посмеяться 2 (над кем-чем-л.), насмеяться 2 (над кем-чем-л.)*.

Для всей этой лексики оказываются релевантными следующие смысловые признаки: 1) цель субъекта (*насмеются* для того, чтобы выразить своё отношение к объекту и представить его смешным; *осмеять* можно для того, чтобы дискредитировать объект в глазах других людей); 2) объект действия (*осмеять* можно человека, свойство человека, общественное явление, идеалы и др.; объект *засмеять* – всегда человек); 3) высшие силы в качестве субъекта действия (глаголы *посмеяться* и *насмеяться*; ср. *Судьба жестоко посмеялась над ним*); 4) указание на речевой акт или на неречевое действие (*насмеются* всегда указывает на речевой акт, тогда как для *издеваться* это не обязательно); 5) способность указывать на несерьезность слов или действий субъекта (для *издеваться, смеяться* и *шутить* возможны контексты типа *Ты это серьёзно или*

издеваешься?); б) интенсивность действия; степень ущерба, наносимого объекту; оценка действия со стороны говорящего (*подшучивать* и *подтрунивать* указывают на небольшую интенсивность действия и степень ущерба и, соответственно, не вызывают осуждения говорящего; *глумиться*, *посмеяться* и *насмеяться* предполагают максимальную интенсивность, максимум ущерба и резкое осуждение).

Издеваться, изыматься, глумиться

В семантике этих слов указание на ущерб, который наносится объекту действия, выходит на первый план. Они описывают жестокое, зачастую граничащее с садизмом действие, цель которого – представить объект смешным и жалким, причем субъект получает от этого удовольствие.

Основные различия между синонимами состоят в следующем.

Глагол *издеваться* обладает более широким значением, чем его синонимы. Он одинаково свободно может описывать и речевой акт, и неречевое действие. Ср. *Прислуга втихомолку издевалась над нами: дразнила меня горбатым, потому что я в детстве держался сутуловато, а мою мать называли при мне приживалкой и салопницей* (К. Паустовский, Иван Бунин); *Какой-то зверь решил над Львом поиздеваться: На львиный хвост он прицепил ярлык* (И. А. Крылов, Лев и ярлык). Описывая неречевые действия, *издеваться* может указывать на самый широкий их диапазон – от жестоких побоев до чисто символических действий, не причиняющих объекту физического ущерба, или даже ситуаций, предполагающих бездействие субъекта; ср. *Сердце мое, рыбка моя, ожерелье! выгляни на миг. Просунь сквозь окошечко хоть белую ручку свою... Нет, ты не спишь, гордая дивчина! --- Тебе любо издеваться надо мною, прощай!* (Н. В. Гоголь, Вечера на хуторе близ Диканьки). Для *изыматься* и *глумиться* такие контексты менее характерны.

Описывая речевой акт, глагол *издеваться* способен обозначать завуалированное действие, когда возможно сомнение в том, серьезен ли субъект или иронизирует. Ср. характерность контекстов *Да он над нами просто издевается!*; – *Может, в ресторане пообедаем? – Издеваешься?* Поэтому *издеваться* можно тонко, утонченно или *изоцирено*, тогда как для *изыматься* и *глумиться* такая сочетаемость нехарактерна.

Изыматься и *глумиться* предполагают значительно более узкий диапазон действий субъекта по сравнению с *издеваться*. Они не могут указывать на бездействие субъекта. Нехарактерно для них и описание завуалированного действия; ср. ненормальность **По его тону трудно было понять, серьезно он говорит или изымается <глумится>; ?? Как ты не поймешь, что он над тобой глумится!*

Для глагола *глумиться* характерно употребление в контекстах, где объектом глумления являются святыни, идеалы и т. п. Ср. *Грустно видеть, когда гримасничают, кривляются и глумятся над таким предметом, который любишь*

горячо, искренне и сознательно (Писарев, БАС-2).

Наконец, *измываться* и *глумиться* отличаются от *издеваться* тем, что оценивают действие как особенно аморальное, как грубое надругательство над другим человеком.

Толкование

Х издевается <*измывается, глумится*> над *Y-ом* = ‘совершая действие Р по отношению к *Y-у*, *X* хочет, чтобы *Y* предстал вследствие Р как нечто смешное и жалкое; *X* хочет этого, потому что получает от этого удовольствие и испытывает чувство превосходства над *Y-ом*; говорящий оценивает мотивы и поведение *X-а* отрицательно’.

Высмеивать, осмеивать, вышучивать, засмеять

Эти слова всегда указывают на речевой акт, цель которого – представить объект смешным. В отличие от *издеваться* и его синонимов, эти слова вовсе не обязательно описывают унижительное действие: смысл ‘травмирование достоинства’ в их семантике может уходить на второй план.

Перечислим основные различия между членами рассматриваемого ряда.

Высмеивать и *осмеивать* могут указывать как на устную, так и на письменную форму речевого акта; *вышучивать* чаще предполагает устную; *засмеять* всегда указывает только на устную форму. Ср. *В скандальной статье автор высмеял <осмеял> политические амбиции генералов*. Кроме того, *высмеивать*, *осмеивать* и *вышучивать* могут употребляться в контекстах, не предполагающих речевого акта – когда объект показан смешным в журнале, фильме, радиопередаче и т. п. Ср. *В своем последнем фильме режиссер едко высмеял <осмеял> нравы чиновничьего класса; Как над нами [дамами-благотворительницами] смеются, как нас вышучивают юмористические журналы* (Мамин-Сибиряк, БАС).

Главная особенность синонима *осмеивать* касается цели речевого акта и состоит в том, что *осмеивая*, субъект дискредитирует объект, как бы ставит на нем клеймо, вызывая к нему презрительное и насмешливое отношение общества (особенно ярко это проявляется в форме СТРАД ПРИЧ СОВ). Ср. *Измученный, осмеянный, голодный, --- он возвращается наконец в город* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); *Потемкин был осмеян, о нем рассказывали небывлицы и анекдоты* (В. Пикуль, Фаворит).

Рассматриваемые синонимы различаются и тем, какой круг возможных объектов действия они допускают. Наиболее широкий круг объектов допустим при *высмеивать* и *осмеивать*; ср. *высмеивать <осмеивать> чиновников <человеческие пороки, феминистские движения, слезливые мелодрамы>; Судьба всякой истины – сначала быть осмеянной, а уж потом признанной* (Интернет).

Объектом *вышучивать* обычно является человек или его свойство; *засмеять* можно только человека; ср. неправильность [?]*вышучивать человеческие пороки*, **Судьба всякой истины – сначала быть засмеянной*.

Глагол *засмеять* обладает наиболее узким значением. Он всегда указывает на реакцию людей (как правило – нескольких) на какое-либо действие или свойство объекта и часто употребляется проспективно. Ср. – *Папа Карло, но ведь я – голенький, деревянненький, – мальчишки в школе меня засмеют* (А. Толстой, Золотой ключик, или приключения Буратино).

Засмеять, в отличие от других синонимов, предполагает совпадение объекта действия с адресатом речевого акта; нельзя *засмеять* «за глаза». Ср. неправильность ^{??}*Говорят, меня соседи засмеяли* при нормальном *Говорят, его соседи засмеяли*.

Толкование

X высмеивает <осмеивает...> Y-а = ‘считая действия или свойства Y-а плохими или желая умалить значение действий или свойств Y-а, X говорит о них так, чтобы они казались другим людям смешными’

2.5. Гордость и самолюбие

Выше были проанализированы слова *достоинство* и *честь*, а также лексика, описывающая нанесение ущерба этим атрибутам. Перейдём к другим словам, близким к *достоинству*⁹.

Как было сказано, *гордость* и *самолюбие* так же, как и *достоинство*, выступают как атрибуты человека.

Гордость и *самолюбие* предполагают желание субъекта быть не хуже, а в случае *гордости* даже лучше других людей; ср. *Когда он выступал хуже начинающих спортсменов, страдала его гордость <страдало его самолюбие>*.

Основное различие между *гордостью* и *самолюбием* заключается в следующем. *Гордость* предполагает, что субъект сознает свою ценность и независимость от других людей и поэтому не хочет признавать собственную слабость или ошибки, избегает принимать чью-либо помощь. Для *самолюбия* же важно стремление субъекта добиваться успеха. Ср. – *Мне не нужно ваших денег! – Ишь какие мы, оказывается, гордые!* [не: *самолюбивые*]; *Молодому человеку не понравилось, видите ли, что не он верх взял. Самолюбие, видите ли* (А. П. Чехов, Шведская спичка (Уголовный рассказ)) [не: *гордость*].

Толкования

X-овая гордость 2 Y-а = ‘нематериальный атрибут человека Y – сознание

⁹ Речь пойдёт о лексемах *гордость 2*, *гордый 2*, *самолюбие* и *самолюбивый*. У *гордости* и *гордого* есть другие, первые значения, семантически производные от глагола *гордиться* и указывающие не на атрибут, а на состояние – приятное чувство, вызванное тем, что сам экспериенсер или близкий ему человек имеет или сделал нечто очень хорошее; ср. *гордость за сына*; *Неумение приготовить яичницу – не повод для гордости*.

собственной высокой ценности как X-а и независимости от других людей; стремление избегать ситуаций, в которых могла бы проявиться зависимость Y-а от других людей, поскольку это снизит его самооценку’.

X-овое самолюбие Y-а = ‘нематериальный атрибут человека Y – стремление достигать успеха во всем, что относится к его функционированию как X-а, поскольку неудачи снижают его самооценку’.

2.6. Гордыня и себялюбие

С гордостью и самолюбием сближаются, образуя с ними своеобразную пару, книжные слова *гордыня* и *себялюбие*. Они предполагают непомерно высокую самооценку субъекта и оценивающееся говорящим безусловно отрицательно. Ср. *Когда на Грозный пошли танки и бронетранспортеры, то на кону уже стояла не только гордыня вождя, но и гордость самих чеченцев* («Известия», 2002.11.22); *Тут не самолюбие, а, так назвать, себялюбие. Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем чаше суетятся* (Д. И. Фонвизин, Недоросль)¹⁰.

Специфика слова *гордыня* состоит в том, что оно указывает на непомерное, дошедшее до крайней степени сознание собственного всемогущества и превосходства над другими людьми, граничащее с ощущением равенства высшему существу. Своеобразный эталон гордыни описывается в библейском повествовании о низвержении падшего ангела. *В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим; --- Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой, и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему»* (Ис. 14, 11–15).

Слово *гордыня* стилистически окрашено: оно используется преимущественно в религиозных, возвышенных или, напротив, иронических контекстах.

В отличие от *гордости* и *самолюбия*, *гордыня* и *себялюбие* – обычные свойства, их семантика не связана с представлением об атрибуте. Гордыня и себялюбие никак не связаны с социальными ролями (ср. неправомерность ?? *мужская гордыня*, **себялюбие рыболова*) и недоступны для воздействия со стороны других людей: ср. невозможность **задевать чью-л. гордыню*; **укол себялюбия*; **тешить <щадить> чье-л. себялюбие*.

ГЛАВА 3. ПОНЯТИЕ СМИРЕНИЯ И СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ

Смирение занимает особенно важное положение в христианской, в особенности – в православной, системе ценностей, рассматриваясь как одна из основ-

¹⁰ В. В. Виноградов утверждает, что именно в этой реплике Стародума Фонвизинным впервые было введено слово *себялюбие*. Подробное описание пары *самолюбие–себялюбие* см. в книге Виноградов В. В. История слов. М., 1994.

ных добродетелей. Ср. *Смирение – соль всех добродетелей. --- Без соли пища легко повреждается; без смирения добродетель удобно растлеваются гордостью, тщеславием, нетерпеливостью и погибает* (Святитель Филарет (Дроздов), *Духовные наставления*).

В то же время в христианской литературе обращает на себя внимание обилие рассуждений об истинных и ложных пониманиях смирения; о том, как следует, а как не следует понимать это слово.

Цель данного раздела – дать лингвистическое определение *смирения* и его дериватов как слов русского языка, через их сопоставление с близкими лексемами.

Существуют две основные точки зрения на *смирение* как понятие русской языковой картины мира. Одна принадлежит Анне Вежбицкой и состоит в том, что для семантики *смирения* важна, в первую очередь, готовность человека принять всё, что с ним происходит, и всему подчиниться – в отличие от английского *humility*, для которого важно низкое положение человека, его желание быть на последнем месте¹¹. Несколько иную точку зрения высказывает А. Д. Шмелёв, который считает, что «основным (более “привычным”) для идеи, выраженной в слове *смирение*, является тот же общехристианский идеал отказа от гордости, который выражен в слове *humility*. Особенностью слова *смирение* является лишь то, что в нем отражен (в качестве дополнительного) и идеал примирности»¹².

Большинство словарей выделяют в семантике смирения только один компонент – отказ от гордости (ср. в МАС’е: ‘отсутствие гордости, высокомерия, сознание своего ничтожества, своей слабости (одна из основных добродетелей по христианскому учению)’).

Обсуждение этих двух трактовок дается в конце главы.

3.1. Существительное *смирение*

В диссертации рассматривается деление этого слова на значения в МАС’е и других словарях и предлагается несколько отличная система полисемии.

Особенности семантики *смирения* выявляются в сопоставлении этого слова с близким словом *кротость*.

Смирение и кротость

Пары *смирение* и *кротость*, *смиренный* и *кроткий*, *смиренно* и *кротко* достаточно близки. Во многих случаях возможна взаимозамена внутри этих пар без существенного изменения смысла; ср. *Меня поражала кротость, с которой она принимала попреки склочной старухи; В детстве она была тихим,*

¹¹ *Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N.Y., 1992.*

¹² *Шмелёв А. Д. Плюрализм этических систем в свете языковых данных // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.*

кротким созданием, а жизнь сделала её еще смиреннее; – И то, матушка Амалия Казимировна, потешились над купчиной. Так мне, дураку, и надо, – смиренно проговорил он (Б. Акунин, Азазель).

Основные различия между *смирением* и *кротостью* заключаются в следующем.

1. *Смирение* в большей степени связано с низкой самооценкой человека и предполагает признание собственной малой значимости и ограниченности своих сил. *Кротость* скорее предполагает неагрессивность, являющуюся следствием характера. Ср. невозможность замены *смирения* на *кротость* в следующем примере: *Его смирение было необычайно: «Много лет я прожил, – обыкновенно говаривал он, – а добрых дел нет». Если кто хвалил его, он всегда замечал: «Он еще не все знает мои слабости и недостатки»* (Каталог русских архиереев).

2. *Смирение* может предполагать сознание собственного ничтожества или бессилия в сопоставлении с высшей силой или перед лицом обстоятельств. Ср. конструкцию *смирение перед чем-л.: смирение перед Богом <судьбой, природой, обстоятельствами>*. Менее характерны, однако возможны контексты, где смирение предполагает отказ от отстаивания своей воли перед лицом другого человека или группы людей. Ср. *Маркс решительно выступил против пассивности и смирения пролетариев перед эксплуатирующим их классом капиталистов* (БСЭ, статья «Заработная плата, цена и прибыль»).

Для *кротости* такое сопоставление обладателя свойства с чем-то внешним невозможно, ср. неправильность **кротость перед Богом <судьбой>; *кротость пролетариев перед классом капиталистов*.

3. *Кротость* состоит в отсутствии какой бы то ни было агрессии по отношению к другим людям, тогда как для *смирения* скорее важно сдерживание собственных амбиций или реакций на что-то. По этой причине неуместна подстановка слова *смирение* и его дериватов в такие контексты, как *Тут кротко или строго / Царило много лиц, / Царей не слишком много, / А более цариц* (А. К. Толстой, История Государства Российского от Гостомысла до Тимашева).

4. *Смирение* исключает активные действия по отношению к другим людям. Для *кротости* же описание активных неагрессивных действий оказывается возможным. Поэтому *кротко* можно не только *согласиться*, но и *возразить*. Ср. также *Он очень кротко <с кротостью> ответил, что уважает мнение дяди, но всё-таки хочет отложить отъезд хотя бы на неделю*.

5. Слово *смирение* указывает, скорее, на состояние, тогда как *кротость* – на постоянное свойство характера; ср. более естественное *кроткая по натуре* по сравнению со [?]*смиренная по натуре*. По этой же причине можно говорить о *приливе смирения, минуте смирения* и *чувстве смирения*, но не о [?]*приливе кротости, ^{??} минуте кротости* или ^{??}*чувстве кротости*.

6. *Смирение*, в отличие от *кротости*, может указывать на то, что субъект изображает смирение, не испытывая его. Ср., с одной стороны, *показное* <напускное, притворное, ложное, наружное> *смирение* при менее характерном *показная* <напускная, притворная, ложная, наружная> *кротость*, и, с другой, *истинное* <подлинное> *смирение* при неправильном ?? *истинная* <подлинная> *кротость*.

7. Слово *кротость* способно к сдвинутым метафорическим употреблением, описывающим не человеческое свойство, а состояние, никак не связанное с человеком (часто – состояние природы). Ср. *Раз ночью был обломный дождь, а потом горячее солнце как-то сразу вошло в силу, весна потеряла свою кротость и бледность, и все вокруг на глазах стало меняться не по дням, а по часам* (И. Бунин, Митина любовь). Употребление в подобных контекстах *смирени* гораздо менее естественно.

8. В словах *смирение* и *кротость* ярко проявляется связь с христианскими понятиями. Для семантики *смирения* этот смысл оказывается важнее, чем для семантики *кротости*; ср. бóльшую характерность сочетания *христианское смирение* по сравнению с *христианская кротость*. Показательно также, что в МАС'е именно в толковании лексемы *смирение* сказано: «одна из основных добродетелей по христианскому учению». И *смирение*, и *кротость* обычно оцениваются говорящим положительно. В то же время *смирение*, в отличие от *кротости*, в большей степени может восприниматься как проявление слабости и безволия и оцениваться по этой причине отрицательно; ср. сочетания *рабское* <*холопское, плебейское*> *смирение* при нехарактерном *рабская кротость*. В таких контекстах в семантике *смирения* на первый план выходит идея «примиренности» (являющаяся, по мнению А. Вежбицкой, центральной для русского *смирения*). Действительно, говоря о *рабском смирении*, говорящий осуждает не столько отсутствие гордости и низкую самооценку, сколько пассивность и отказ от борьбы.

Толкования

Смирение X-а перед Y-ом = ‘состояние, заключающееся в том, что X, считая, что его жизнь зависит от высшей силы Y, признает свою малую значимость и ограниченность своих сил и не считает происходящее с ним чем-то, чему он может противодействовать; это проявляется в его поведении’.

Кротость = ‘свойство, заключающееся в том, что в любой ситуации субъект не испытывает агрессивных эмоций по отношению к другим людям, что проявляется в его поведении’.

3.2. Дериваты смиренный и смиренно

Специфика этих дериватов, отличающая их от существительного *смирение*, состоит в том, что для них характерно описание манеры поведения, внешних аспектов ситуации, а именно отказа от демонстрации собственной значимости,

своих заслуг или достоинств даже в ситуации, когда, по мнению говорящего, это было бы естественно. Ср. *смиренно поклониться* <потупиться, согласиться>. Самооценочный компонент в семантике этих дериватов отступает на второй план. По этой причине они не управляют предложной группой *перед чем-л.*; ср. неправильность ??*Это был смиренный перед Богом* <перед судьбой> человек; **смиренно перед Богом*. Именно этот акцент на внешних аспектах ситуации определяет существование у прилагательного *смиренный* устаревшего подзначения 'скромный и непритязательный' (по МАС'у); ср. у Пушкина *смиренная обитель, смиренная трапеза*.

3.3. Глагол *смириться*

В семантике этого глагола самооценочный компонент так же, как и в дериватах *смиренный* и *смиренно*, отступает на второй план, затеняясь другими смысловыми компонентами. Рассмотрим два основных значения глагола.

Смириться 1

Эта лексема так же, как и существительное *смирение*, способна указывать на отказ от активных действий как результат признания субъектом собственного бессилия или своей малой значимости перед лицом высшей силы или обстоятельств. Ср. *Тут уж подсказывается русское решение вопроса, «проклятого вопроса», по народной вере и правде: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве»* (СДост).

Для *смириться 1* также характерны контексты, где самооценочный компонент затеняется указанием на отказ от борьбы с действительностью – без указания на его внутренние причины. *И то, что она назвала кого-то неведомого, кто займет её место, так спокойно и равнодушно «человек», значило, что она смирилась и ни о чём говорить не нужно* (Ю. Трифонов, Предварительные итоги).

Глагол *смириться* в рассматриваемом значении может описывать ситуацию, в которой человек оказывается сломлен. По этой причине *смириться* вполне может оцениваться со стороны говорящего отрицательно. Ср. *Если бы в долгие часы тюремного одиночества он видел только кусок моря, перечеркнутый железными прутьями, он смирился бы или сошел с ума* (Ф. Искандер, Рассказ о море).

У лексемы *смириться 1* есть особый круг употреблений, стилистически окрашенный как церковный. Ср. *Обыкновенно --- все в доме делается святыми, как только кто-нибудь захочет карабкаться на небо, потому что все должны терпеть, смиряться, всё выносить от «подвижника»* (Митрополит Антоний (Блум), Без записок).

Этот круг употреблений указывает не столько на отказ от борьбы с чем-то

внешним, сколько на активное сдерживание своих (часто агрессивных) импульсов или ответной реакции на агрессию. При этом движет субъектом доверие Божьей воле и сознание малой значимости собственной воли. Особенности этого круга употреблений состоят в следующем.

(а) Церковное *смириться* указывает на действие, протяженное во времени. По этой причине форма НЕСОВ для него значительно более характерна, чем форма СОВ. Более того, для церковного *смириться* допустимо даже употребление в актуально-длительном значении формы НЕСОВ, ср. *Он на меня кричит, чуть не с кулаками лезет, а я сижу и смиряюсь*. Для *смириться* в основном круге употреблений форма НЕСОВ вообще нехарактерна, а актуально-длительное значение невозможно.

(б) Церковное *смириться* всегда оценивается говорящим безусловно положительно. В отличие от основного круга употреблений, оно не может указывать на вынужденное действие. По этой причине затруднена сочетаемость типа *приходится <вынужден> смиряться перед Богом* и под.

Толкование

Предложим толкование лексемы *смириться 1* – единое как для центральных, так и для церковных употреблений.

X смирился 1 перед Y-ом = ‘признав, что жизнь X-а определяется высшей силой Y или обстоятельствами Y, X перестал считать происходящее с ним чем-то, чему он может противодействовать’.

Смириться 2

Эта лексема двухактантна, однако вместо валентности высшей силы в её модель управления вводится указание на определенную ситуацию, в которую субъект вовлечен, которую он оценивает отрицательно и от борьбы с которой он отказывается. Эта валентность оформляется предложно-именной группой с *чем-л.* Ср. *С отсутствием машины и водопровода пришлось смириться* (Ю. Евстифеев, Реаниматоры традиций); *После седьмой девочки он смирился с тем, что у него не будет сына* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

Самооценочный компонент в семантике *смириться 2* значительно ослабляется по сравнению со *смириться 1*: в таких контекстах как *смириться с отсутствием водопровода* причиной отказа от борьбы является не сознание субъектом собственной малой ценности, а, скорее, признание бессмысленности такой борьбы или просто привычка; не случайно рассматриваемая лексема толкуется в МАС’е как ‘привыкнув, примириться с чем-л.’.

Отказ от борьбы с отрицательно оцениваемой ситуацией включает два аспекта – внутреннее прекращение борьбы (субъект перестаёт воспринимать эту ситуацию как нечто, с чем он может бороться) и внешнее (субъект перестаёт прилагать усилия для ликвидации неприятной ситуации). Первый компонент – внутреннее прекращение борьбы – оказывается важнее второго; ср. нормаль-

ность фразы *Она уже с этим смирилась, хотя для виду продолжала протестовать* при аномальности фраз **Она смирилась с этим только для виду; *Она уже с этим смирилась, хотя продолжала переживать*.

Акт *смириться 2* всегда предполагает волевое усилие. Ср. *Я решил с этим смириться; Мне оставалось только смириться с этим; Пойми: ты должен с этим смириться*.

Смириться можно не только с конкретной ситуацией, но и с судьбой, стихией, неизбежным, обстоятельствами и т. д. Ср. *А работяги темные, вполне смирившиеся со своей корявой темной судьбой, сговариваются, как им на новом месте составить бригаду получше да подпасть под сносаго бригадира* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

В таких контекстах *смириться 2* сближается со *смириться 1*, хотя и сохраняет указание на отрицательную оценку ситуации. Ср. *смириться с судьбой <с неизбежным> – смириться перед судьбой <перед неизбежным>*.

Толкование

Х смирился 2 с Р = 'Х оценивает Р отрицательно; считая что противодействовать Р невозможно или бессмысленно, Х решил перестать или перестал противодействовать Р'.

Проведенный анализ позволяет подвести итоги описания смирения и сопоставить его с трактовками А. Вежбицкой и А. Д. Шмелёва.

Вслед за А. Д. Шмелёвым мы считаем, что основу семантики смирения составляют два компонента – (1) отсутствие гордости и (2) идея «примиренности», готовности принять всё, что с субъектом происходит и всему подчиниться. Однако второй компонент, который, как мы отмечали, большинство словарей вообще не выделяют, а А. Д. Шмелёв считает дополнительным, мы склонны считать основным. В этом отношении наша позиция сближается с трактовкой Анны Вежбицкой. На наш взгляд, в пользу нашего понимания *смирения* говорит, в частности, отмеченная в главе 1 несвязанность *смирения* со шкалой самооценки и метафорой верха и низа и включение в ситуацию высшей силы или обстоятельств (ср. *смирение перед чем-л.*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сформулируем основные выводы и результаты работы.

1. Выделен круг самооценочной лексики русского языка. Из этого круга для подробного описания выбраны ключевые слова, представляющие особый лексикографический интерес.

2. Обнаружены существенные различия между наивно-этическими и «неязыковыми» (научными, культурологическими, религиозными) представлениями

о ключевых понятиях сферы самооценки – достоинстве, гордости, смирении и др.

3. Выделены основные семантические противопоставления, релевантные для самооценочной лексики. Важнейшие из них – качество самооценки (высокая vs. низкая самооценка) и оценка со стороны говорящего (*уверенность в себе* оценивается положительно, *самоуверенность* – отрицательно; *гордость* и *самолюбие* могут оцениваться по-разному).

4. Предложен ряд системных различий между лексикой высокой самооценки (*достоинство*, *гордость* и др.) и лексикой низкой самооценки (*смирение* и др.). Основные из этих различий следующие. Во-первых, нормой в наивной этике признается достаточно высокая самооценка, в то время как для лексики низкой самооценки характерна отрицательная семантика. Во-вторых, несовершенство субъектом тех или иных действий может выходить на первый план, затеняя смысл ‘низкая самооценка’. В-третьих, в области высокой самооценки наивной этикой осуждается, прежде всего, завышенность самооценки, в то время как в случае низкой самооценки осуждение вызывает не заниженность самооценки, а неискренность, притворство. В-четвертых, лексику высокой самооценки понижает метафора верха и низа, нехарактерная для лексики низкой самооценки.

5. Ключевым понятием высокой самооценки является *достоинство*. Оно представлено самой лексемой *достоинство*, а также достаточно близкими лексемами *самоуважение*, *честь*, *гордость*, *самолюбие* и некоторыми другими. В лексико-семантической системе русского языка особенно хорошо разработан смысл ‘нанесение ущерба самооценке’. Он представлен глаголами *унижать*, *оскорблять*, их дериватами, а также большим числом глаголов, включающих смысл ‘смех’: *издеваться*, *измываться*, *глумиться*, *осмеять* и мн. др.

Ключевым понятием низкой самооценки является *смирение*, представленное словом *смирение* и его дериватами, а также словами *кротость*, *скромность* и некоторыми другими.

6. На материале ряда самооценочных лексем (*достоинство*, *честь*, *гордость*, *самолюбие* и др.) выделен новый семантический класс предикатов, который предлагается называть атрибутами личности.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

- (1) *Достоинство, гордость и самолюбие в русской наивной этике* // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» Тр. Междунар. семинара Диалог'2002. М., 2002. 0,6 печ. л.
- (2) *Издевательство в наивной этике* // «Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы». М., 2003. 0,4 печ. л.
- (3) *Смех и насмешка в русской наивной этике* // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» Тр. Междунар. конференции Диалог'2003. М., Наука, 2003. 1 печ. л.
- (4) *Понятия смирения и достоинства* // *Апресян Ю. Д.* и др. *Русская языковая картина мира и системная лексикография*. М., 2006 (в печати). 4 печ. л.
- (5–7) *Словарные статьи «Высмеивать, вышучивать, осмеивать, засмеять», «Достоинство, гордость, самолюбие», «Издеваться, измываться, глумиться»* // *Ю. Д. Апресян, В.Ю. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, Е. Э. Бабаева, М. Я. Гловинская, А. В. Санников, Б. Л. Иомдин и др.* *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. Под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна*. М., 2003. 1,75 печ. л.
- (8–10) *Словарные статьи «Высмеивать, вышучивать, осмеивать, засмеять», «Достоинство, гордость, самолюбие», «Издеваться, измываться, глумиться»* // *Ю. Д. Апресян, В.Ю. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, Е.В. Урысон, Е. Э. Бабаева, М. Я. Гловинская, А. В. Санников, Б. Л. Иомдин и др.* *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е издание, исправленное и дополненное. Под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна*. М., 2004. 1,75 печ. л.
- (11) (в соавторстве): *Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Б. Л. Иомдин, В. З. Санников, А. В. Санников, В.Г. Сизов, Л. Л. Цинман.* *Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы* // *Национальный корпус русского языка 2003–2005 г. (результаты и перспективы)*. М., 2005. 0,9 печ. л.